

Палес Семен

Родился 24 марта 1935 года в Белорусской ССР.

Три года я воспитывался дома под присмотром мамы, бабушки с папиной стороны. Напротив нашего дома был детский сад. Туда меня родители и отдали. Утром, я помню, как с одной калитки выходил, осмотрюсь — и бегом через дорогу в комнатку детского сада. Там мне было весело и хорошо, я забывал обо всем. Так прошло мое довоенное детство. Первые счастливые шесть лет. А потом начался этот кошмар в Минском гетто.

Когда началась война, Минск одним из первых городов попал под бомбовый удар. В Белоруссии ожидали прибытия вагонов с зерном, но из этих вагонов высадились отборные войска СС, отборные головорезы. Они были до зубов вооружены. Они сразу начали стрелять из пулеметов и автоматов. Это было так внезапно, что в течение дня они практически заняли весь город.

Часть людей успела убежать, но большинство людей осталось в Минске. Многие из тех, кто бежал, вынуждены были возвратиться.

Немцы тут же стали устанавливать свои порядки. Взялись сразу за еврейское население. Начали создавать территорию для гетто. Высылали русских, татар, белорусов с Юбилейной площади, с улицы Танковой, Республиканской и с перулков. Эту территорию обносят колючей проволокой, а евреев с этой территории вначале переселяли к еврейскому кладбищу, а после по специальностям отбирали и отправляли под Минск. Часть отправили в 1-ю клиническую больницу в Минске, куда я с родителями и попал. Там мы пробыли недолго, точно не могу сказать, так как уже не помню. Родители там работали. И только когда была готова территория гетто, нас всех туда собрали со всех мест Минска. Разместили так, что всем было очень тесно. Деревянные одноэтажные и двухэтажные дома были забиты людьми. Начались болезни.

Одновременно надо было придумать, как построить малины (так назывались места, где мы прятались во время облав и погромов). В тех домах, где были русские печки, погреба, чердаки, делали в стенах шкафы и т.д. Конечно, чтобы понять это, надо видеть своими глазами.

Потом немцы пропустили электрический ток через проволочное ограждение, и тогда с едой стало совсем плохо. До этого люди могли свои вещи поменять хоть на какую-то еду. На территории Юбилейного рынка были построены виселицы. В гетто была биржа труда, полиция. За городом Минском была выстроена печь, в которой сжигали людей. Часто к бирже труда подъезжали 2-3 машины, загоняли туда людей и везли, а в машинах пускали отравляющий газ. А затем сжигали трупы. Это место называется Тростянец. Там сейчас стоит памятник, правда, не на том месте, а в стороне.

Теперь немного расскажу о погромах. Всегда погром начинался внезапно. Завывание сирены. Немцы спускали собак, специально обученных, и начинали

стрелять по всем, кто попадался на улицах. Кроме того, ходили по домам и, кто не успевал спрятаться, был или убит, или растерзан собакой, или посажен в машину и отвезен в Тростянец, где и был сожжен.

Самый страшный погром произошел, когда люди живыми были сброшены в яму, расстреляны из пулеметов и автоматов. Их засыпали почти живыми. В расстреле принимали участие полицаи и немцы. Я этот расстрел видел своими глазами.

После освобождения Белоруссии и Минска 3 летчика — Герои Советского Союза, и население Белоруссии внесли средства, кто сколько мог, и установили памятник. Затем с помощью правительства Белоруссии позже был установлен другой, очень красивый памятник.

Облавы — это почти то же, что и погром. Только здесь принимало участие больше полицейских, которые зачастую зверствовали больше, чем немцы. Особенно доставалось женщинам и детям, потому что большинство мужчин были с утра на работе. Когда вешали людей, причастных к партизанам, тогда всех сгоняли посмотреть, а кто сопротивлялся, избивали или убивали. Для них не было важно, женщина это или ребенок. На человека вешали вывеску: за связь с партизанами, и набрасывали петлю. Читали приказ и тут же вешали. Приказ обычно заканчивался такими словами: такая участь ждет каждого, кто будет помогать партизанам.

В апреле 1943 года отец поднял нас рано утром и сказал, что нам надо троим быть у биржи труда, а было 6 часов утра. Там была выстроена колонна — 50-60 человек. Она двинулась в сторону 2-го кирпичного завода. Охраняемую полицейскими колонну свободно выпустили из города. Мы прошли поле и лес. Нам сказали, что нас должен в лесу ждать проводник. Но оказалось, что нашего проводника убили, а в лесу была засада. По колонне был открыт огонь из пулеметов и автоматов. Все бросились врассыпную, кто куда, многих убили. Мы с родными потеряли друг друга. Я свалился в воронку, оставшуюся от взрыва бомбы, в ней я провел весь день и ночь. Утром стало тихо, я почти целый день пытался выбраться из ямы, но не получалось... Наконец получилось, я дождался сумерек и выбрался из лесу. Было темно, но вдруг я увидел свет недалеко от леса. Подошел — и вижу хату, где в маленьком окне горит керосиновая лампа. Я подобрался к окну и заглянул внутрь. Увидел там нашего соседа и еще одного мужчину. Тогда я смело постучал в окно. Заметил, как они схватились за оружие, а хозяйка открыла дверь. К счастью, сосед наш Янкель Думский узнал меня и закричал: «Да это ж Сема!» Я был весь грязный, хозяйка меня помыла, передела, накормила. Я рассказал им обо всем, что случилось. И утром мы ушли в отряд Пархоменко, где я пробыл до 1944 года. В мае 1944 года я попал в отряд имени Зорина в Налибоцкой пуще Ивенецкого района.

Нашел меня отец, когда он шел с задания и остановился на привал. Так нас вновь свела судьба. Родные считали меня погибшим, и я был уверен, что они все тоже погибли.

Партизанский отряд Пархоменко — это был боевой отряд, который выполнял самые сложные, ответственные задания центра партизанского движения. В этом отряде я был пастушонком. Пас коров — а их было пятеро, все делал, чтобы 20

коней были всегда в строю. Меня все взрослые любили. Возвращаясь с боевого задания, они всегда приносили гостинец — то конфету, то кусочек сахара и т.д. В отряде Пархоменко я пережил блокаду, когда 2-е суток пришлось просидеть по горло в болоте. Немцы окончательно хотели разделаться с партизанами. Партизаны им очень-очень мешали как в тылу, так и на фронте. Даже во время блокады боевые группы отряда Пархоменко были на заданиях далеко от отряда. Этот отряд нападал и громил целые немецкие гарнизоны, ну, а рельсовая война была их первой работой.

В этом отряде я пробыл до апреля 1944 года. В апреле группа подрывников возвращалась с задания и в отряде Пархоменко сделала привал. В этой группе и оказался мой отец. Я шел по партизанской целине, смотрю — идут люди, и вдруг слышу: «Сема!» Оглядываюсь — и вижу отца, я бросился к нему. Можете себе представить, какая это была встреча. Эта радостная весть пронеслась по всему отряду, все пришли нас поздравить. Через несколько часов мы покинули отряд Пархоменко, а еще через 4 часа я встретился с сестрой. Я пробыл у Зорина 1,5 месяца до освобождения Минска. Там же поступил в школу, где одна тетрадь и один карандаш были на пять человек.

После освобождения Минска я поступил в 1 класс. Моей учительницей оказалась та, которая учила нас в партизанах. Проучился я 2 недели, и меня перевели во второй класс. По окончании средней школы поступил в Политехнический институт на ПГС, вечернее отделение, и одновременно работал на стройках города Минска до 1990 года. 7 июня 1990 года мы покинули Советский Союз и улетели из Киева в Израиль.

Я хочу пожелать моим детям, будущим внукам и всей молодежи, чтобы она никогда не знала, что такое война. Чтобы им никогда не пришлось пережить все те унижения, трудности, издевательства, ужасы, которые пришлось перенести всему европейскому народу, который находился под немецкой оккупацией.

Желаю вам проявлять побольше уважения друг к другу, заботы, оказывать помощь, побольше доброты, сердечности. Всегда отзываться на любой зов о помощи, и тогда вам всегда будет светить солнце и небо.

